

РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС В ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙНАХ. СОЗДАНИЕ «ЧЁРНО-БЕЛОЙ МАТРИЦЫ» ВОСПРИЯТИЯ СОБЫТИЙ

© 2018 Карбасова О.В.

Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка», г. Самара, Россия

Настоящая статья посвящена использованию философско-религиозного дискурса в международной политике. Раскрыты содержательные и формальные стороны «религиозности» политического текста. Показаны механизмы воздействия на аудиторию религиозной составляющей текста. Сделан вывод об использовании данной составляющей в качестве инструмента внедрения в сознание аудитории «чёрно-белой матрицы» восприятия политических событий.

Ключевые слова: религиозно-философский дискурс, международная политика, «чёрно-белая матрица», восприятие политических событий

Отличительной чертой американского политического дискурса является религиозность, которая выражается в широком использовании в письменных и устных текстах библейских цитат, метафор и аллюзий. Религиозность является результатом действия экстралингвистических факторов, среди которых на первом месте стоит «желание формирования единой позиции массы по основным вопросам и её интегрирование в общественную аудиторию СМИ» [8]. Религиозность выражается не только на уровне содержания, но и на формальном уровне. Так, например, политики высокого ранга стремятся придать своим выступлениям форму проповеди, которая нередко заканчивается традиционным благословением. Показательным в этом смысле является обращение к нации президента Джорджа Буша младшего, сделанное после взрыва башен-близнецов 11 сентября 2001 года [10]. Названные особенности придают некоторым американским политическим высказываниям характер социально-ритуальных высказываний, направленных на «подтверждение идентичности социума» [1].

Помимо эмоционального воздействия содержательная и формальная религиозность политического дискурса выполняет пропагандистскую функцию, в основе которой – морально-этическое разграничение политической сферы на область добра и зла. На практике такое разграничение выражается в разделе-

нии на «своих» и «чужих». В грубой, но афористичной форме такое разделение было «сформулировано» президентом США Дж. Кеннеди старшим в его известном высказывании по поводу диктатора Анастасио Гарсия Сомоса [5].

Религиозность нивелирует беспринципность политики. Она предполагает апелляцию к высшей справедливости. Это попытка возвысить политику, перевести ее на философский уровень, представив ее как поле борьбы двух морально-этических категорий – добра и зла. В то же время это попытка вывести политику из правового поля, поставив ее над человеком и над правосудием. Последнее содержит в себе потенциальную угрозу создания ситуации «развязывания рук» в области политики.

Обращение американского президента к нации после событий 11 сентября является показательным примером, иллюстрирующим применение такого подхода.

Авторами данного обращения считаются спичрайтер Джорджа Буша Майкл Герсон (Michael Gerson) и Карен Хьюз (Karen Hughes), советник президента по коммуникациям и спичрайтинг [11].

Данное выступление стало определяющим для международных отношений на несколько лет вперед. Это произошло по нескольким причинам. Во-первых, в данном обращении в качестве приоритета была обозначена борьба с

терроризмом. При этом, несмотря на то что президент США формально выступал для внутренней аудитории, данное политическое заявление получило «экстерриториальный» характер, то есть подразумевало, что данного решения будут придерживаться и союзники США. В обратном случае США берет на себя задачу по борьбе с терроризмом невзирая на границы и принцип государственного суверенитета: «Нашим приоритетом является помощь тем, кто пострадал, и принятие мер предосторожности с целью защитить наших граждан дома и по всему миру от дальнейших терактов».

Таким образом, борьба с терроризмом была не только задекларирована как направление внутренней политики США, но и стала «пунктом номер один» в международной повестке дня.

Поскольку выступление Джорджа Буша получило максимальное «паблисити» (широко тиражировалось в международных СМИ), можно говорить о том, что это обращение послужило сигналом для начала массовой информационной кампании, направленной на создание в информационном пространстве с помощью СМИ четкой оппозиции «свой - чужой», «друг - враг» или «добро - зло».

В СМИ усиленно повторялись обозначенные Бушем (или его спичрайтерами Майклом Герсоном и Карен Хьюз, которым приписывается авторство обращения) оппозиции: атаковать – защищать, добро – зло, друзья – враги, мир и безопасность – хаос, свобода – тирания, например: «Это день, когда все американцы, принадлежащие к самым разным социальным группам, едины в своей решимости обрести справедливость и мир. Раньше Америка успешно справлялась со своими врагами, и на этот раз свершится то же самое. Никто из нас не забудет этот день, и все же мы будем двигаться вперед, дабы защитить свободу и все справедливое и хорошее, что есть в нашем мире».

Таким образом, создавался четкий «фрейм» (рамочная конструкция), который предлагал аудитории ряд альтернатив: выбор между хаосом и порядком, дружбой или враждой и т.п. Однако на самом деле альтернативность данной речи является лишь формальной, поскольку в ситуации выбора между добром и злом маловероятно, что появятся желающие откры-

то выступить на стороне условного «зла». Для аудитории была создана безвыходная ситуация, когда поддержка политики США оказалась единственным «правильным» вариантом.

Создание образа врага является базовой пропагандистской технологией, традиционно использующейся в современном американском политическом спичрайтинге. В рассматриваемом обращении особенностью образа врага является его абстрактный характер. Это не конкретный враг, как это было в годы холодной войны – враг, которого можно было идентифицировать, определить его политические цели, «локализовать» географически. В своем обращении к нации Джордж Буш говорил о принципиально новом зле. Это зло не имеет постоянной «прописки» и имеет обыкновение принимать различные облики. Терроризм идеально подошел на роль такого абстрактного «мирового зла», которое стало находкой для Белого дома, поскольку содержало в себе одно неоспоримое преимущество: вездесущность, что означало потенциальное повсеместное присутствие врагов. В роли врага теперь мог выступить любой нелояльный лидер.

«Вездесущность» терроризма выделяется исследователями как одна из главных метафор, используемых при создании образа врага в американских СМИ. При этом терроризм ассоциируется с природной стихией, глобальной катастрофой, от которой невозможно скрыться [3].

Данное качество (вездесущность, невидимость) перевело современную американскую пропаганду на принципиально новый уровень. Данный подход отменил саму необходимость формирования образа врага. Этот подход предполагает существование абсолютного зла (образ которого не надо формировать – он должен быть понятен для каждого христианина), долг каждого человека – бороться с этим злом. Нет ничего удивительного в том, что данная речь послужила началом «крестового похода против терроризма». Закономерным следствием этого подхода стало полное «развязывание рук» американской администрации в отношениях с оппонентами.

Однако массовая аудитория не привыкла рассуждать об абстрактных материях. Ей необходим реальный образ, который подошел бы на роль «воплощенного зла». Именно поэтому

в американском политическом спичрайтинге существует выражение «ось зла» (axis of evil), которое позволило конкретизировать образ врага.

Термин «ось зла» также был использован президентом США Джорджем Бушем спустя немногим больше года после обращения к нации в ежегодном обращении к Конгрессу 29 января 2002 года. Данный термин применялся по отношению к странам, спонсирующим терроризм или разрабатывающим оружие массового поражения.

Однако интересен не столько сам список стран-изгоев, сколько происхождение термина. Известно, что во время Второй мировой войны термином «ось» в англоязычной среде обозначались страны фашистского блока. В этой логике вполне понятным становится приравнивание «неудобных» лидеров к такому историческому персонажу, как Адольф Гитлер.

Сравнение с образом Гитлера было частью кампаний по информационному давлению на оппонентов. Данный прием является частью общей технологии по формированию образа врага в его неабстрактном, «воплощенном» варианте, понятном для массовой аудитории. Отличительной чертой данной технологии является ее простота и «доступность». Она достигается за счет эксплуатации негативных эмоций, возникающих при использовании образа Гитлера и всех связанных с ним исторических ассоциаций.

В данном случае можно говорить о том, что с помощью сравнения с исторической персоналией создается матрица восприятия сторон конфликта международной аудиторией. В этой матрице сторонам-участникам конфликта заранее отводятся строго определенные роли без возможности их «модифицировать» или «отказаться» от них.

Данная матрица восприятия соответствует наиболее «простым» когнитивным стилям – «индивидуально-своеобразным способам переработки информации о своем окружении в виде индивидуальных различий в восприятии, анализе, структурировании, категоризации, оценивании происходящего» [9]. Так, данная матрица не требует от аудитории «подчеркивания специфических деталей» материала, а наоборот, предполагает «упрощение, потерю деталей, выпадение тех или иных фрагмен-

тов».

Наиболее важным с точки зрения особенностей когнитивного процесса является отсутствие рефлексивности в восприятии действительности в случае «принятия» аудиторией предлагаемой матрицы [9]. Данная особенность связана с манипулятивной функцией воздействия медиатекстов – «функцией оказания воздействия на адресата в определенном, нужном для адресанта направлении, причем таким образом, чтобы реципиент об этом воздействии не догадывался и пребывал в полной уверенности, что сложившееся у него в результате знакомства с медиатекстом мнение всецело принадлежит ему самому» [2]. В основе манипуляции сознанием аудитории лежит создание ментальных конструкций, «которые представляются выходящими за рамки законности или здравого смысла, оказываются популярными на уровне обывательского общения, позволяя, среди прочего, канализировать существующие и новые стереотипы мышления» [4].

Матрица интерпретации современных политических событий не предполагает никаких альтернативных способов восприятия. На место субъекта в этой информационной «матрице» не могут повлиять никакие его действия, направленные на изменение его роли. Более того, на роль в матрице не могут повлиять не только действия «исполнителя» этой роли (как бы они не противоречили схеме), но и действия его оппонентов. Данная особенность интерпретации политических событий противоречит самой сути понятия «интерпретация», которое предполагает наличие альтернативной точки зрения. Так, согласно утверждению известного теоретика в области интерпретации текста А.Р.Лурия, «центральный для процесса понимания является поиск смысла, приводящий к выбору из ряда нескольких альтернатив» [6].

Тем не менее, несмотря на данное противоречие теоретического характера, в практике современного общественно-политического дискурса такое «матричное» мышление является скорее нормой, чем исключением, и активно насаждается среди массовой аудитории.

Инструментом «подстановки» персоналий политических лидеров в матрицу «свой - чужой» («добро - зло») являются СМИ. Их задача состоит в том, чтобы провести четкую па-

раллель между образом Гитлера, олицетворяющим воплощенное зло, и выбранным на роль его «аналога» современного политического деятеля.

Цель использования матрицы – назначить «виновника» ситуации, показать тяжесть характера его преступлений (или приписываемых ему преступлений), подчеркнуть их «несовместимость» с понятиями и принципами демократического устройства, обосновать «заслуженность» самого сурового наказания.

Одним из свойств интерпретации, согласно исследованиям в области герменевтики, является «самореализация» личности в процессе интерпретации. Другими словами, интерпретация является «проявлением такой способности сознания, которая самым непосредственным образом обеспечивает ее «Я», ее «самость» и именно в момент их активного проявления, самовыражения личности» [7]. Это свойство самовыражения в процессе интерпретации (в нашем случае интерпретации политических событий, возникающих в информационном поле и предлагаемых аудитории в виде письменных и аудиотекстов, видеоизображений, картинок и т.п.) обусловлено природным стремлением личности к самореализации.

Проблема заключается в том, что личность в случае матричного восприятия «не имеет определенности ни своего «Я», ни способа его реализации, т.е. способа своей активности» [7]. В этом состоит главное противоречие, возникающее в процессе интерпретации – желание «самореализоваться» и незнание или невладение способами самореализации.

Данное утверждение особенно справедливо в том случае, когда речь идет о массовой аудитории. Собственное «Я» массовой аудитории выражено крайне нечетко по сравнению с собственным «Я» отдельной личности. Тем не менее, даже у массовой аудитории есть стремление занять какую-либо позицию, определить в самом общем виде некий вектор развития общества и следовать этому направлению.

Данная модель интерпретации массовой аудиторией политических событий, безусловно, является идеальной моделью, поскольку включает в себя только само событие и аудиторию. Последней при идеальных условиях должна быть предоставлена полная свобода интерпретации, в результате которой должно

сформироваться «истинное» общественное мнение.

Однако как в процессе перевода текста переводчик в той или иной степени «искажает» оригинал, точно так же политтехнолог, консультант, политик, журналист или спичрайтер трактует события под своим углом зрения, расставляет свои акценты. Особенность ситуации состоит в том, что политтехнолог или спичрайтер обладает несравнимо большей свободой интерпретации, чем переводчик. Это почти неограниченная свобода интерпретации, поскольку политтехнолог (спичрайтер) имеет дело с интерпретацией событий, процессов и явлений, а не с текстом оригинала, который ограничивает его возможности.

Различия данных двух случаев интерпретации связаны не только с разными свойствами объектов (текст оригинала в одном случае и события в другом), но и с целями самих субъектов интерпретации. В случае переводчика – это обеспечение понимания текста читателем, а в случае политтехнолога – это манипулирование общественным сознанием с целью сформировать необходимое общественное мнение.

Аудитория при этом остается пассивным получателем информации, поскольку в рамках общественно-политической «дискуссии» ей не предлагается альтернативного способа толкования политической ситуации. Самостоятельно сформулировать альтернативную точку зрения, не представленную в СМИ и широко не растиражированную, могут лишь единицы, мнение которых не влияет на соотношение сил и исход событий.

«Матричная» трактовка ситуации преподносится аудитории как догма, аксиома, готовый результат, где выбор уже сделан за аудиторию. Последней это кажется удобным, поскольку нет необходимости «утруждать» себя размышлениями. Единственной реакцией, которая требуется от массовой аудитории, является не понимание сути событий или явлений, являющееся «результатом выбора из ряда альтернатив», а простое принятие предлагаемой готовой суррогатной трактовки.

Однако в особо проблемных или «спорных» случаях, таких как косовский кризис или война в Ираке, ситуация оказалась настолько резонансной, что потребовалось «подкрепить» образ Гитлера как воплощения мирового зла

еще одним образом, негативно воспринимаемым в Европе и США, – образом Сталина [12].

Парадоксальность используемой линии рассуждений состоит не столько в «привычности» приравнивания двух режимов – нацистского и советского – для европейского общественно-политического информационного поля, сколько в «усилительной» функции образа Сталина по отношению к образу Гитлера.

Ослабление негативного восприятия Гитлера и нацистского режима Третьего Рейха в целом связано с масштабной кампанией, проводившейся с помощью европейских СМИ, сети Интернет и кинематографа, направленной на «очеловечивание» образа рядового солдата и офицера Вермахта, оправдание простых немецких обывателей, ставших «разменной монетой» в большой политике.

Данное разделение на добро и зло и отнесение конкретных стран и их лидеров к «лагерю добра» или «лагерю зла» звучит необычно для политического дискурса, который предполагает определенную степень если не научности, то, по крайней мере, логичности. В данном подходе налицо элемент эмоциональности и иррациональности. В качестве сравнения можно привести ушедшее в прошлое разделение на страны социалистического и капиталистического лагеря, где в основе разделения

лежал идеологический критерий. В случае современного «американского» подхода критерием данного разделения служит лояльность или нелояльность государств политическому курсу США.

Данный подход свидетельствует о деградации международных отношений, «сползании» от идеологической борьбы к утверждению «права силы». Результатом и проявлением данного изменения является так называемая «политика двойных стандартов», которая выражается в применении демократических норм и принципов только к «лояльным» государствам.

Нельзя утверждать, что все локальные конфликты последних лет стали результатом применения описанной матрицы. Скорее, использование данной матрицы является частью некой общей стратегии по переформатированию политического пространства, включающей технологию создания «образа врага».

Однако это не умаляет значения формирования общественного мнения по политическим вопросам и событиям на основе «матричного» подхода. Предлагаемая аудитории суррогатная модель восприятия имеет серьезное (зачастую решающее) значение для исхода политических событий и конфликтов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бибикова А.А., Водоватова Т.Е. Языковая игра в англоязычном политическом дискурсе // Вестник Международного института рынка. - 2015. - №2. - С.151-156.
2. Водоватова Т.Е., Немцева К.Д. Оценочная составляющая англоязычных медиатекстов. // Вестник Международного института рынка. - 2018. - №1. - С.130-134.
3. Кириллов А.Г., Харитонов А.В. Метафорическое моделирование при создании образа главного врага в американском дискурсе СМИ. // Вестник Международного института рынка. - 2017. - №2. - С.147-152.
4. Кириллов А.Г. Оценочная функция вербализации концепта «чужой» в контексте российско-украинского конфликта (на материале микроблогов). // Вестник международного института рынка. - 2015. - №1. - С.132-137.
5. Леваш И.Я. Глобальный мир и геополитика: культурно-цивилизационное измерение. В 2 кн., Кн. 1. – Минск: Навука, 2012. – 485 с.
6. Лурия А.Р. Язык и сознание / Под ред. Е.Д. Хомской. – М: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.
7. Славская А.Н. Личность как субъект интерпретации. – Дубна, 2002. – 240 с.
8. Строева Ю.Ю. Интертекстуальность в медиадискурсе и способы ее перевода на русский язык. // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. №6а.
9. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума, 2-ое изд. – СПб., 2004. – С. 384.
10. Bush George W. September 11 address to the nation. – URL:

<http://www.americanrhetoric.com/speeches/gwbush911addresstothetation.htm> (дата обращения: 08.04.2016).

11. Karen P. Hughes. Counselor to President George W. Bush for communications and speechwriting. – URL: http://www.sourcewatch.org/index.php/Karen_P._Hughes (дата обращения: 08.04.2016).

12. The New York Times. 1999, April 28.

RELIGIOUS DISCOURSE IN INFO WARS. CREATING THE «BLACK-AND-WHITE MATRIX» OF EVALUATING POLITICAL EVENTS

© 2018 Olga V. Karbasova

Samara University of Public Administration “International Market Institute”, Samara, Russia

The present paper concerns the use of philosophical and religious discourse in the international politics. The article discloses the contentive and formal aspects of the “religiousness” of the political text. The article shows the mechanisms of influencing the audience by the religious component of the text. The author makes a conclusion about the use of the religious element in order to introduce the “black-and-white matrix” of the evaluation of political events by the audience.

Keywords: philosophical and religious discourse, international politics, the “black-and-white matrix”, evaluation of political events